

К 120-летию со дня рождения члена-корреспондента АМН СССР А.Я. Алымова

Магаева С.В.

ФГБУ «НИИ общей патологии и патофизиологии» Российской академии медицинских наук, Москва

Андрей Яковлевич Алымов (1893–1965 гг.)

В 2013 г. исполнилось 120 лет со дня рождения профессора Андрея Яковлевича Алымова, уникального специалиста в области изучения эпидемиологии, микробиологии и патофизиологии особо опасных инфекций, члена-корреспондента АМН СССР, полковника медицинской службы.

В биографии профессора Алымова отражается история развития советской медицинской науки прошлого века.

Послужной список А.Я. Алымова внушает глубокое почтение:

- Руководитель Центральной холерной лаборатории при Харьковской инфекционной больнице (после окончания Харьковского медицинского университета);
- Главный эпидемиолог Военно-морского флота СССР (1940—1948 гг.);
- Заведующий лабораторией инфекции и иммунитета Отдела общей патологии Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ) (1934—1941 гг.);
- Главный эпидемиолог Вооруженных сил СССР (1948—1958 гг.);
- Профессор Военно-морской академии (1940—1948 гг.);
- Заведующий кафедрой военного факультета Центрального института усовершенствования врачей (1948—1965 гг.);
- Заведующий лабораторией инфекционной патологии НИИ общей и экспериментальной патологии АМН СССР, переименованного в НИИ нормальной и патологической физиологии АМН СССР (1948—1965 гг.).

При изучении особо опасных инфекций Андрей Яковлевич многократно совершал жертвенный научный подвиг самозаражения для изучения клиники заболевания,

определения латентного периода и испытания эффективности вакцинальных препаратов. По словам его ближайших коллег, опасные эксперименты на самом себе учёный проводил, по меньшей мере, восьмикратно. Они представляли значительную опасность не только для здоровья, но и для жизни. И, тем не менее, Андрей Яковлевич считал такой жесткий метод работы своим долгом, а не подвигом, и не любил рассказывать об этом.

Студенческие годы Андрея Яковлевича совпали с периодом социальных потрясений (Первая мировая война, революция, Гражданская война) и связанных с ними бурных вспышек жестоких эпидемий, называемых в народе мором. Студент Харьковского медицинского университета Андрей Алымов работал в очагах холеры, чумы и тифа.

Молодой врач-инфекционист Алымов участвовал в работе многочисленных экспедиций в эпидемические очаги опасных инфекций, занимался изучением очагов возвратного тифа, лихорадки папатачи, марсельской сыпной лихорадки.

В круг научных интересов Андрея Яковлевича входили такие инфекции как малярия, москитная и геморрагическая лихорадка, холера, инфекционная желтуха, сыпной тиф, дизентерия, дифтерия, газовая гангрена, столбняк, бешенство.

Судьба забросила Андрея Яковлевича в Тегеран, где ему пришлось создавать бактериологическую лабораторию при советской миссии. Там же, в Персии учёный провел уникальные исследования по мальтийской лихорадке, которые были признаны классическими и принесли ему мировую известность.

А.Я. Алымову принадлежит заслуга выявления и изучения природных очагов риккетсиозов.

В 30-е годы XX века А.Я. Алымов расширил диапазон своих научных интересов. Он стал сторонником научной школы нервизма в патологии и с 1934 г. в течение нескольких лет работал во Всесоюзном институте экспериментальной медицины (ВИЭМ) в отделе общей патологии, руководимым академиком А.Д. Сперанским.

А.Я. Алымов заведовал лабораторией инфекций и иммунитета. Основными задачами лаборатории были изучение стафилококкового и стрептококкового сепсиса, разработка экспериментальных моделей и методов специфической терапии, оценка возможности повышения их эффективности посредством неспецифических факторов. В эти годы А.Я. Алымов изучал микробиологию, эпидемиологию и клинику марсельской лихорадки, разрабатывал методы дифференциальной диагностики.

В 1939 г. А.Я. Алымов на Ученом совете ВИЭМа защитил докторскую диссертацию на тему «Марсельская лихорадка в Крыму».

Война прервала научную работу А.Я. Алымова в ВИЭМе, но в 1948 г., будучи именитым эпидемиологом и инфекционистом, он возвратился в систему исследований академика Сперанского и стал заведовать лабораторией инфекционной патологии Института нормальной и патологической физиологии АМН СССР. Именно в этом институте, в отделе общей патологии, решались ключевые вопросы инфекционной патологии и естественной резистентности к инфекции. Его коллеги-эпидемиологи не смогли понять, почему ученый с мировым именем оставил свою хорошо возделанную ниву, и долго уговаривали его вернуться в область прежних интересов. А, между тем, разгадка решения эпидемиолога, микробиолога и инфекциониста была проста. Ученый, хорошо изучивший инфекционные болезни и впервые описавший возбудители многих из них, остро нуждался в проникновении в суть патофизиологических проблем заболевания и незаболевания. Он хотел понять, почему в эпидемическом очаге опасных инфекции одни люди заболевают легкой формой инфекции, другие тяжело страдают и с трудом выживают, третьи умирают, несмотря на своевременное применение противомикробных препаратов, а некоторые счастливы выздоравливают сами по себе за счет собственных защитных механизмов, даже тогда, когда врачебная помощь безнадежно опаздывает. Но самыми интересными для Андрея Яковлевича были те люди, которые вообще не заболели, контактируя с больными, ухаживая за ними. Ученого волновал вопрос, с чем связаны эти различия. Нельзя ли повысить сопротивляемость организма к инфекции, активировав его собственные резервы? Эпидемиологи и микробиологи того времени не могли ответить на эти вопросы, они были вне их компетенции.

Проблему невосприимчивости к инфекциям не возможно понять без изучения патофизиологических проблем реактивности и резистентности, заболевания и незаболевания и механизмов естественного выздоровления. Именно этими проблемами и стал заниматься Андрей Яковлевич. В лаборатории профессора Алымова убедительно показано, что устойчивость и сопротивляемость организма к возбудителям различных инфекций (столбняка, газовой гангрены, туберкулеза, дифтерии) могут быть повышены так называемыми неспецифическими воздействиями, направленными на организм, а не только на мик-

робы, от которых трудно уберечься. Изучению патофизиологических проблем инфекционной патологии Андрей Яковлевич посвятил последнее десятилетие своей жизни.

В лаборатории профессора Алымова работали талантливые молодые учёные: будущий академик АМН СССР Г.Н. Крыжановский, будущие профессора Л.Н. Фонталин и Л.А. Певницкий — лидеры в изучении ключевых проблем патофизиологии и иммунологии.

Мне посчастливилось начинать научную работу в лаборатории профессора Алымова. Не будучи руководителем моей кандидатской диссертации, Андрей Яковлевич, с присущей ему тактичностью вводил меня, университетского биолога, в проблему патогенеза газовой гангрены.

Узнав, что я блокадница, он предложил мне внеплановую, «подпольную» работу по анализу невосприимчивости к инфекциям у ленинградских блокадников. Эта тема не просто интересовала его, он был взволнован невосприимчивостью блокадников к инфекциям. В годы войны подполковник Алымов был главным эпидемиологом Военно-морского флота, и осаждённый Ленинград был его резиденцией как наиболее эпидемиологически опасный город, насчитывающий в период экстремальной ситуации (зима 1941—1942 гг.) 2,5 миллиона жителей. Ленинград был единственным городом в истории осажденных городов, избежавшим инфекционных эпидемий. Андрей Яковлевич рассказал мне о блокадных о тревожной эпидемиологической ситуации, которая сложилась в Ленинграде к весне 1942 г. Обессиленный голодом город лежал в руинах и нечистотах. Не было ни воды, ни канализации. Блокадников одолевали полчища насекомых — переносчиков опасных инфекций. В лаборатории Андрея Яковлевича из насекомых высевались вирулентные возбудители сыпного тифа. Зараженные мыши заболевали и погибали... И, тем не менее, в городе не было эпидемий, хотя отдельные вспышки инфекций возникали. Начало эпидемии стало бы концом жизни блокадного города. Каждое утро Андрей Яковлевич просыпался с тревогой, ожидая сообщения о массовых заболеваниях истощенных людей. Наступил апрель, эпидемий не было. Не было их и в мае, и дальше не было. Можно было полагать, что возбудители инфекций не могли размножиться в организме дистрофиков. Но почему истощенные голодом мыши заболевали и погибали при типичных признаках опасных инфекций, а люди как-то держались... Непостижимо! Эта загадка долго занимала Андрея Яковлевича как эпидемиолога и патофизиолога. Он приобщил меня к анализу этого феномена. Я добросовестно изучала многотомный фолиант — «Опыт советской медицины в Великой Отечественной Войне» и незасекреченные сборники военного времени по инфекционным болезням в поисках данных о соответствующих изменениях иммунологической реактивности организма, но не находила нужных сведений.

Андрей Яковлевич, анализируя мои записи, задумчиво сказал: «Должно быть, кто-то хранил Ленинград от эпидемий...». Несколько лет спустя, узнав, что Андрей Яковлевич происходил из старинного рода священников, я подумала, что в своей оценке проблемы незаболевания блокадников инфекциями он был убеждён в Божьем промысле. Должно быть, он полагал, что даже поистине гигантские усилия санитарно-гигиенической и противоэпидемиологической службы города не смогли бы справиться с опасной обстановкой в огромном городе, в котором не работали ни водопровод, ни канализация, и если бы не

какой-то неведомый фактор, возможно, патофизиологический, который обеспечил невосприимчивость голодающего организма к возбудителям опасных инфекций, — город был бы обречен на вымирание.

Андрей Яковлевич считал, что противоэпидемиологическая служба на флоте была далеко нелегкой, но ее эффективность можно было объяснить своевременной вакцинацией и лучшими санитарными условиями, чем в блокадном городе. Командующий Флотом адмирал В.Ф. Трибуц считал, что в специфической профилактике инфекционных эпидемий на флоте была огромная заслуга подполковника медицинской службы профессора А.Я. Алымова.

Среди многих боевых наград подполковника медицинской службы профессора Алымова была медаль «За оборону Ленинграда». Андрей Яковлевич очень дорожил ею и считал себя «немножечко ленинградцем». Да, конечно, он был ленинградцем, ведь он был в Ленинграде в самое трудное время.

Андрей Яковлевич был типичным петербургским интеллигентом. Казалось, что он так и излучает высокую духовность, мягкий юмор с еле заметной лукавинкой и обязательную доброжелательность. Он часто употреблял изысканно деликатную и почтительную, но, к сожалению, вышедшую из моды фразу: «*Честь имею*». «Честь имею предложить (просить, представить)». Эта фраза отражала

присущее ему чувство уважения к собеседнику, как к человеку, независимо от должности, степени или звания. В этом уважительном отношении таился секрет его удивительного обаяния.

Андрей Яковлевич был знатоком русской словесности и тонким стилистом. В нашем институте он был единственной абсолютно надежной энциклопедией русского языка. Он никогда не ошибался в семантике, тонкостях правописания и произношения слов из словаря наших далёких предков. Профессор Алымов в совершенстве владел литературным русским, украинским и французским языками и достаточно знал немецкий и английский, чтобы не пользоваться словарем. Это было редкостью для ученых советского времени. Андрей Яковлевич испытывал истинное наслаждение правильной литературной речью, что дано немногим.

Будучи беспощадно строгим к малейшим нарушениям режима работы с возбудителями опасных инфекций и токсинами, он был деликатен и прост в общении с сотрудниками и обладал добрым чувством юмора.

Прошло 120 лет со дня рождения Андрея Яковлевича. Постарели его ученики. Почти все они тоже ушли из жизни. Но память об Андрее Яковлевиче живёт, и неизменно наше глубокое почтение к жертвенному подвигу и беспокойной творческой мысли учёного.